

ты лаврентий о том не кручинься, для того те статьи тебе объявлены, которые были в твоей книге непрямо написаны, и те все статьи государь святейший кир филарет патриарх московский и всея россии сам исправил, исправя велел напечатать, и напечатав тебе отдать» (л. 9 об.).

Завершилось же «прение» справщиков с Лаврентием так: «Потом мы паки рехом ему, скажи нам лаврентий что тебе еще с нами о сей книге говорити, есть ли речь тебе к нам, или нет, лаврентий рече всегда аз рад с вами беседовати, и лучшее избирати, а книгу аз государьского жалования всю проходил, и прилежно потрудихся при вас и без вас, и много просвещение души моей обретох, и дивлюся аз великой премудрости, православнаго государя святейшаго кир филарета патриарха московскаго и всея россии, каков разум, и каков смысл, какову великую богом дарованную премудрость имат в себе, как он государь толь великую книгу, а не в великое время учинил, воистину бог действует в нем, и взяв книгу к персем своим прикладывал, руками обжимал, и к себе прижимал, и любезно всюду ея целовал и потом прощение друг другу, со игуменом илиею давше и разыдошася с миром» (л. 23). Неоднократно употребленное местоимение «мы» позволяет предположить, что «прение» было записано одним из его участников.

А.В. Карташов видит историю с изданием «Катехизиса» так: «Доклад об этих беседах патриарху Филарету привел его в смущение. Если бы эти беседы были формой предварительной цензуры, было бы другое дело. А теперь это было, к сожалению,

уже по напечатании книги. Попутно патриарх сознал, что и самая форма книги Лаврентия, неведомый для Москвы «Катехизис» и ее содержание должны играть исключительную роль в богословии, и что без соборного суждения такую книгу пускать в ход нельзя. И дал приказ не выпускать книгу из типографии. Она там и осталась до новых переделок, и в данном Лаврентию виде она сохранена лишь в нескольких экземплярах и без выходного листа. Этот опыт с публикацией новой богословской книги обнаружил школьную немощь Москвы»⁶.

Как бы то ни было, нельзя не согласиться с тем, что «явно это была форма милостыни гонимому за православие русскому брату из Литвы»⁷, а вывод, к которому пришли в итоге патриарх и московские книжники, заключался в осознании необходимости учреждения школы на Руси. Само же «Прение...» осталось в истории русской духовной культуры как интересный исторический документ.

Примечания

¹ Зизаний В. П. / В.П. // Энциклопедический словарь: в 82 т., 4 т. доп. / под ред. И. Е. Андриевского. СПб., 1894. Т. 12 а. С. 585.

² Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви: в 2 т. / А. В. Карташев. М., 1997. Т. 2. С. 99–100.

³ Там же. С. 103.

⁴ Прение литовского протопопа Лаврентия Зизания с игуменом Илиею и справщиком Григорием по поводу исправления составленного Лаврентием Катихизиса // Летописи русской литературы и древности. издаваемые Николаем Тихонравовым. М., 1859. Кн. 4. С. 80–100.

⁵ В списке, опубликованном Тихонравовым, используется форма: «рекл».

⁶ Карташев А. В. Указ. соч. С. 106.

⁷ Там же. С. 103.

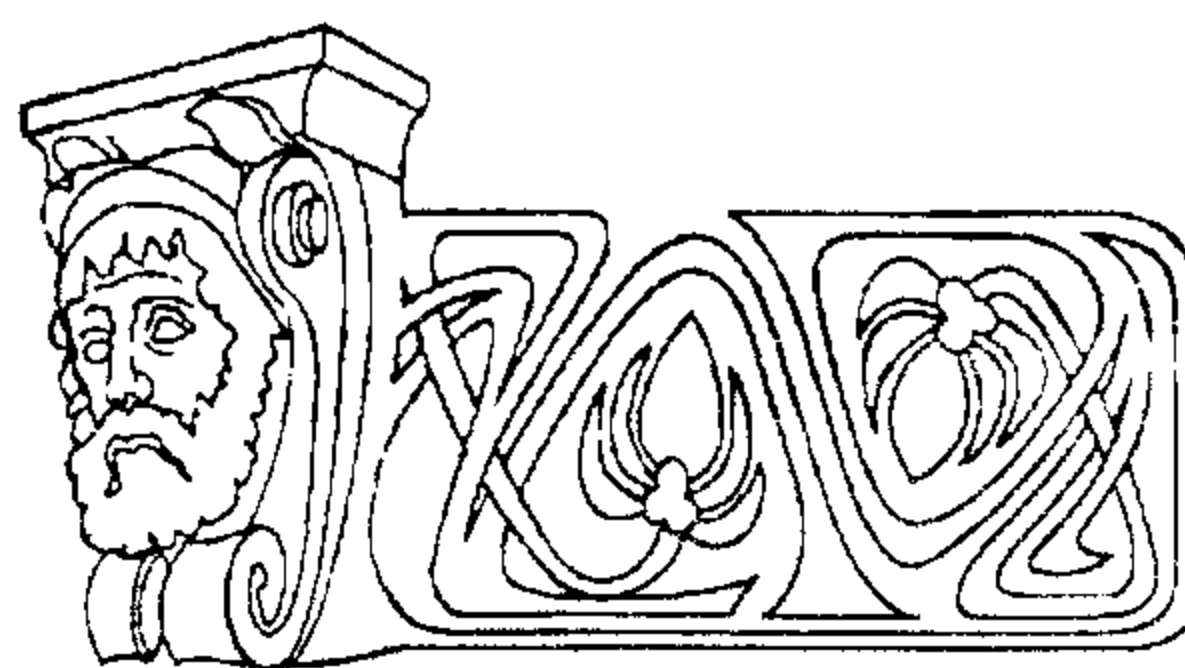
УДК 882.09-6 + 929 [Гоголь+Пушкин]

ОБРАЗ ПУШКИНА В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ Н. В. ГОГОЛЯ

Г.А. Гришин

Саратовский государственный университет,
кафедра общего литературоведения и журналистики
E-mail: ggri@yandex.ru

В статье анализируется целостный образ А. С. Пушкина, заключенный в переписке Н. В. Гоголя. На материале всего гоголевского эпистолярного наследия прослеживается эволюция образа поэта, определяются его доминантные черты и черты, изменяю-

щиеся в зависимости от контекста письма. В ходе работы выделяются периоды, в границах которых характер обращений к образу Пушкина у Гоголя может быть целостно и однозначно описан.

The image of Pushkin in N.V. Gogol's epistolary heritage

G.A. Grishin

The article is devoted to analysis of integral image of A.S. Pushkin found in the letters of N.V. Gogol. The complete Gogol's epistolary heritage is explored to trace the evolution of the poet's image, to define its dominant features and features that change depending on the letter's context. The periods when the image of Pushkin in Gogol's writings can be subjected to integral and unambiguous analysis are also singled out in the article.

Сюжет литературных отношений двух русских классиков Пушкина и Гоголя уникален. Только работ одинаково озаглавленных «Пушкин и Гоголь» в отечественном литературоведении существует более десяти. В целом же библиография по теме, с учетом разных ее аспектов, насчитывает несколько сотен наименований. К настоящему моменту, наверное, можно говорить о существовании особой – сопоставительной пушкинско-гоголевской биографии.

Однако значение темы шире собственно научной проблематики. Ни один другой литературоведческий сюжет, пожалуй, не подвергался в России такой массивной мифологической обработке. В. Г. Белинский первым противопоставил творческие пути двух писателей и придал этому противопоставлению социально-исторический масштаб. Развивая его мысль, литературная критика второй половины XIX в. подняла имена двух гениев как знамена враждующих общественно-политических лагерей. После революции 1917 г. «дружба» писателей стала одним из основных элементов литературного мифа, положенного в основание советской государственной идеологии. В наше далекое от литературоцентризма время сюжет, по свидетельству Ю. В. Манна, не выходит из среды массового сознания и, претерпевая стадию демифологизации, парадоксально предстает обратной стороной мифической дружбы – небывалой враждой прозаика и поэта¹.

Литературоведческая мысль, конечно, тесно связана с массовой мифологической и общественно-политической ситуацией и во многом ориентируется на нее, но причины актуальности пушкинско-гоголевского сюжета не только в этом. Семантический центр темы, питающий на протяжении полутора веков полемику вокруг нее, – в сложном и глубоко выстраданном отношении Гоголя к

Пушкину. Следы этого – в художественном наследии писателя. Пушкин – персонаж «Ревизора», его имя упоминается в «Записках сумасшедшего» и «Невском проспекте». Размышления о пушкинской поэзии – едва ли не главная тема гоголевской публицистики. Совершенно особое место образ автора «Евгения Онегина» занимает в переписке Гоголя и его мемуаристике. Нет нужды напоминать о роли поэта в создании вершинных творений его младшего коллеги: «Ревизора» и «Мертвых душ». Но все же главная причина непреходящей актуальности темы не в этом. Poleмический задор сюжету в течение всего времени его существования задавала, в первую очередь, гоголевская слава мистификатора. На недоверии к его воспоминаниям о Пушкине росло неприятие благолепной картины дружбы и тесного творческого единения двух русских гениев.

За полтора века полемики, очень разнообразной и стилистически и методологически, сложились две главные версии природы взаимоотношений писателей. Первая идет от самого Гоголя, его писем, созданных после смерти Пушкина в 1837 г., «Выбранных мест» и «Авторской исповеди». Она общеизвестна и описывается в терминах дружбы, соработничества, преемственности, общности целей и мыслей. Ее апологетами выступали в свое время П. А. Кулиш, Н. С. Тихонравов, В. И. Шенрок, Г. Л. Абрамович, Д. Д. Благой, А. Г. Гукасова, Г. П. Макогоненко².

Вторая версия построена на оппозиции к первой, поэтому более сложна и инвариантна. В настоящее время наиболее полное выражение она нашла в работах И. Золотуского³. Самый общий смысл этой версии, а точнее полюса версий, в констатации сложной природы взаимоотношений писателей. Исследователи, внесшие вклад в ее развитие (здесь можно назвать В. В. Каллаша, Б. Лукьяновского, А. С. Долинина, В. В. Гиппиуса, В. Э. Вацура, В. В. Прозорова, В. Ю. Белоногову)⁴, отмечали разницу в возрасте, социальном положении, образовании, взглядах писателей, находили случаи конкретных бытовых и творческих столкновений и констатировали, что в письмах и воспоминаниях Гоголя о Пушкине «история сменяется творимой легендой»⁵.

Черты гоголевского образа Пушкина чаще всего черпаются исследователями из переписки создателя «Мертвых душ», что оправдано в силу хотя бы известной характеристики, данной С.Т. Аксаковым эпистолярному наследию писателя: «Гоголь выражается совершенно в своих письмах; в этом отношении они гораздо важнее его печатных сочинений»⁶.

Причем к эпистолярному наследию писателя обычно обращались для подтверждения уже сформулированных мыслей и концепций. В качестве единого текста, содержащего законченный образ Пушкина, гоголевская переписка не рассматривалась, так же как и проблема эволюции образа поэта во времени. Не учитывался по большому счету и контекст писем, включающий своеобразие личностей гоголевских адресатов.

В связи с этим, мне кажется, совершенно оправданным обратиться к образу Пушкина в гоголевском эпистолярном наследии и попытаться целостно охарактеризовать его.

Первое упоминание имени Пушкина содержится в гоголевском письме матери от 24 июня 1831 г. «Письма адресуйте ко мне на имя Пушкина, в Царское Село, так:

Его Высокоблагородию

Александрю Сергеевичу Пушкину. А вас прошу отдать Н.В. Гоголю»⁷.

Как обоснованно предполагают биографы, сообщение этого адреса на родину (через месяц повторенное еще раз) имело скорее психологический, нежели практический смысл⁸. Начинаящий писатель пытался щегольнуть перед родными и близкими знакомством со знаменитым петербургским поэтом. Тем же стремлением прихвастнуть перед «своими» может быть объяснено и явное преувеличение (обычное, впрочем, для гоголевской переписки) в письме к А. С. Данилевскому: «Все лето прожил я в Павловске и Царском Селе. Стало быть, не был свидетелем времен терроризма, бывших в столице. Почти каждый месяц собирались мы: Жуковский, Пушкин и я» (X, 214) – 2 ноября 1831 г.

Упоминания имени Пушкина в переписке начала 1830-х гг. передают восторг от знакомства и личного общения писателей. Гоголь находится под обаянием личности Пушкина и ценит факт их литературной близости очень высоко. Свидетельство этому в письме

к В. А. Жуковскому от 10 сентября 1831 г. Здесь (в предвосхищении знаменитой статьи «Несколько слов о Пушкине») оценивается место поэта в истории русской литературы: «И Пушкин окончил свою сказку! Боже мой, что будет далее? Мне кажется, что теперь воздвигается огромное здание чисто русской поэзии, страшные граниты положены в фундамент, и те же самые зодчие возведут и стены, и купол, на славу векам, да поклоняются потомки и да имеют место, где возносить им умиленные молитвы свои» (X, 207). И здесь же описывается личное впечатление от случайной встречи с поэтом: «Это черт надел на себя зеленый мундир с гербовыми пуговицами, привесил к боку остроконечную шпагу и стал карантинным надзирателем. Но Пушкин, как ангел святой, не побоялся сего рога того чиновника, как дух пронесся его мимо и во мгновение ока очутился в Петербурге на Вознесенском проспекте и воззвал голосом трубным ко мне, лепившемуся по неизменному тротуару под высокими домами. Это была радостная минута» (X, 206). Эти строки примечательны тем, что в них содержится описание ситуации, связанной с Пушкиным, но не относящейся к сфере литературной деятельности, что практически уникально для гоголевской переписки. Также замечательно и то, что образность этого отрывка вполне соотносима с образностью патетических писем Гоголя, написанных им в течение 1837 г., после получения известия о смерти Пушкина.

Но между 1831 и 1837 гг. лежат шесть лет тесного сотрудничества литераторов. В этот период Гоголь отстаивает литературную репутацию Пушкина в письмах к Данилевскому (30 марта и 20-е числа декабря 1832 г.), сообщает сведения о планах поэта своему недавнему знакомому И.И. Дмитриеву (30 ноября 1832 г.), ссылается на пушкинский пример, защищая перед редактором Журнала Министерства народного просвещения К.С. Сербиновичем литературность слова «чутье» (29 сентября 1834 г.), передает сведения об участии и хлопотах поэта при дворе М. П. Погодину и М. А. Максимовичу (20 февраля 1833 г. и 26 марта 1834 г.)

Все случаи появления имени Пушкина в переписке Гоголя этого периода можно разделить на две группы: либо Пушкин называется в качестве литератора и литературного

авторитета, либо упоминается в качестве человека высшего света, отстаивающего интересы гоголевских знакомых при дворе. Исключений два: критическая оценка образа жизни Пушкина в письме к А. С. Данилевскому 8 февраля 1833 г. и просьба к поэту, передаваемая через В. А. Жуковского, оказать содействие в работе над «Мертвыми душами» (12 ноября 1836 г.).

В последнем письме, несомненно, виден след размолвки, или, точнее, невыговоренного разногласия, произошедшего между писателями в Петербурге перед отъездом Гоголя за границу. Этому возможному конфликту посвящена обширная литература⁹, и если согласиться с мнением Ю. В. Манна, уверенного в «обиде»¹⁰ Гоголя на Пушкина после разногласий, связанных с редактированием «Современника», то обращение к Пушкину через В. А. Жуковского можно понять как попытку преодолеть этот конфликт. В пользу подобной версии свидетельствует также и то, что имя поэта упоминается во всех письмах к Жуковскому, написанных Гоголем после отъезда за границу и до получения им известия о смерти Пушкина.

Гибель поэта придает новое измерение его образу в эпистолярной Гоголя. Имя Пушкина с этого времени перестает употребляться в бытовом, житейском контексте и навсегда перемещается в лирически-возвышенный, а затем и в духовно-идеологический план.

«Никакой вести хуже нельзя было получить из России. Все наслаждение моей жизни, все мое высшее наслаждение исчезло вместе с ним. Ничего не предпринимал я без его совета. Ни одна строка не писалась без того, чтобы я не вообразил его пред собою. Что скажет он, что заметит он, чему посмеется, чему изречет неразрушимое и вечное одобрение свое, вот что меня только занимало и одушевляло мои силы. Тайный трепет невкушаемого на земле удовольствия обнимал мою душу... Боже!» (XI, 88) – П. А. Плетневу, 28 марта 1837 г.

«Великого не стало. Вся жизнь моя теперь отравлена. Пиши ко мне, Бога ради. Напоминай чаще, что еще не все умерло для меня <на> Руси, которая уже начинает казаться могилою, безжалостно похитевшею все, что есть драгоценного для сердца. Ты знаешь и чувствуешь великость моей утра-

ты». (XI, 93) – Н. Я. Прокоповичу, 30 марта 1837 г.

«Заниматься каким-нибудь журнальным мелочным вздором не могу, хотя бы умирал с голода. Я должен продолжить мною начатый большой труд, который писать с меня слово взял Пушкин, которого мысль есть его создание и который обратился для меня с этих пор в священное завещание». (XI, 97) – В. А. Жуковскому, 18 апреля 1837 г.

«Я боюсь ипохондрии, которая гонится за мной по пятам. Смерть Пушкина кажется, как будто отняли от всего, на что погляжу, половину того, что могло бы меня развлекать». (XI, 110) – Н. Я. Прокоповичу, 19 сентября 1837 г.

«О Пушкин, Пушкин! Какой прекрасный сон удалось мне видеть в жизни и как печально было мое пробуждение». (XI, 112) – В. А. Жуковскому, 30 октября 1837 г.

С. Т. Аксаков писал, что после смерти Пушкина «Гоголь сделался болен духом и телом <...> он уже никогда не выздоравливал совершенно и что смерть Пушкина была единственной причиной всех болезненных явлений его духа, вследствие которых он задавал себе неразрешимые вопросы, на которые великий талант его, изнеможенный борьбою с направлением отшельника, не мог дать сколько-нибудь удовлетворительных ответов»¹¹. Приведенные отрывки одновременно и подтверждают это мнение, и являются его основой. Воспоминания Аксакова писались во время первых публикаций многих из писем Гоголя и, несомненно, мемуарист ощущал их воздействие.

Сколь сильным было психическое влияние смерти поэта на Гоголя и чем оно мотивировалось (тут, наверное, не последнюю роль играла и упомянутая размолвка) достоверно установить не представляется возможным. Однако образ Пушкина в границах бытования его в переписке 1837–1839 гг. обладает следующими отличительными чертами:

– обращения к имени поэта окрашены в тона «романтической патетики», возвращающей к образной структуре письма Жуковскому от сентября 1831 г. и лишенной какой-либо конкретики. Пушкин в воспоминаниях Гоголя 1837 г. – это не столько живой человек, сколько «сон», «высшее наслаждение»;

– имя Пушкина тесно связывается с «Мертвыми душами». «Большой труд, который писать с меня слово взял Пушкин, которого мысль есть его создание» (XI, 97) – В. А. Жуковскому, 18 апреля 1837 г. Примечательно, что в упомянутом выше письме к тому же Жуковскому, написанному четырьмя месяцами ранее, о пушкинском авторстве «мысли» «Мертвых душ» не упоминается;

– образ Пушкина максимально сближается с образом и духовной жизнью автора. Переписка предшествующих лет демонстрировала близкое знакомство, не более. Письма же этого периода создают картину некоей трансцендентальной близости. Причем нигде, ни в одном из многих писем 1837–1838 гг. (как, впрочем, и во всей остальной переписке и публицистике Гоголя) Пушкин не именуется другом;

– смерть Пушкина понимается как личная утрата. Нет даже попытки объективироваться и оценить значение потери для России и российской словесности;

– в то же время отчетливо проводится противопоставление Пушкина и собирательного образа России, размежевание «прекрасного сна, какой удалось видеть в жизни» и «России, Петербурга, снега, подлецов, департамента, кафедры, театра» (XI, 111) – В. А. Жуковскому, 30 октября 1837 г.

Одни черты образа поэта из писем этого периода сохраняются в позднейшей переписке, другие трансформируются, треть исчезнут совсем. Однако такого центрального места, как в 1837–1839 годах, в переписке Гоголя образ Пушкина никогда больше занимать не будет. Если в эти 3 года имя поэта упоминалось в гоголевских письмах более 16 раз, то за все последующие 13 лет – около 14.

Образ Пушкина, канонизированный Гоголем в конце 1830-х гг., в 1840-е прекращает быть объектом внутреннего переосмысления. Практически он уходит из частной переписки и занимает место в переписке, ориентированной на публичность. Так, письма С. Т. Аксакову (22 декабря 1844 г.) и П. А. Плетневу (4 декабря 1846 г.), содержащие развернутые воспоминания о поэте (самые полные во всей переписке 1840-х гг.), рассчитаны либо на публичное чтение (Аксакову), либо на публикацию (Плетневу). Тут нельзя не упомянуть «Выбранные места из переписки

с друзьями» – произведение, в котором имя Пушкина является самым частотным из упоминаемых автором, а жанр гоголевского публичного письма достигает своего наиболее полного выражения. В этой книге характер упоминаний, реализующих образ Пушкина, практически идентичен тому, что наблюдается в личной переписке этого периода.

Упоминания имени Пушкина в письмах 1840-х гг. в целом относятся к сфере литературной деятельности и укладываются в создаваемый Гоголем образ идеального литератора. Именно в таком качестве поэт предстает в письмах к названным выше адресатам, а также в письмах 1840-х гг. М. П. Погодину, М. П. Балабиной и П. В. Анненкову.

Если в начале 1830-х гг. Гоголь в дискуссии отстаивает достоинства пушкинской поэзии (Данилевскому, 30 марта и 20-е числа декабря 1832 г.), то в 1840-е с позиций сформулированной концепции литературного творчества ставит имя поэта в канонические ряды европейской – Шекспир, Вальтер Скотт, Пушкин (Балабиной, 17 февраля 1842 г.) – и русской – Карамзин, Жуковский, Пушкин (Плетневу, 9 мая 1847 г.) – словесностей.

В переписке этого периода Пушкин – высший литературный авторитет, и давая свои рекомендации по написанию «филологических» статей К. С. Аксакову (С. Т. Аксакову, 22 декабря 1844 г.) Гоголь ссылается именно на него.

Стремление опереться на пушкинский авторитет приводит к забавной ошибке в черновике ответа на знаменитое «зальцбруннское» письмо Белинского. В нем в подтверждение своего отрицательного мнения о Вольтере Гоголь приводит мнение Пушкина, выраженное в стихах:

«Француз – дитя:
Он так, шутя,
Разрушит трон
И даст закон;
И быстр, как взор,
И пуст, как вздор,
И удивит,
И насмешит» (XIII, 440),

принадлежащих, правда, не Пушкину, а А. И. Полежаеву («Четыре нации»).

В то же время, при всем несомненном для Гоголя литературном авторитете Пушкина, переписка 1840-х гг. демонстрирует отде-

ление писателем собственного литературного пути от пушкинского и отстранение своего литературного имени от образа «русского национального поэта» (VIII, 50). Примеры в письмах к Смирновой от 28 декабря 1844 г., в котором он мягко критикует Пушкина – редактора «Современника», и к Плетневу от 9 мая 1847 г., где Гоголь противопоставляет предмет своего искусства – современного человека – неназванным предметам искусства Карамзина, Жуковского и Пушкина.

При этом человеческий, «абсолютный» авторитет Пушкина не подвергается ревизии ни в коей мере, пребывая на незыблемой высоте писем конца 1830-х гг. К нравственно эталонному образу Пушкина апеллирует Гоголь при необходимости поддержать знакомого, попавшего в трудное положение (Нашокину, 20 июля 1842 г.) или утвердить репутацию третьего лица (С. Т. Аксакову, 28 августа 1847 г.).

Такое едва заметное расхождение переосмысливаемой литературной роли поэта и канонизированного человеческого облика в эпистолярном образе Пушкина 40-х гг. может быть объяснено изменением гоголевского видения места литературы в мире, обретением новых жизненных ориентиров и, следовательно, пересмотром собственного художественного и человеческого пути. Место Пушкина в литературе осталось незыблемым, но роль литературы в мировоззрении Гоголя стала другой. Подвергшись определенному «ограничению в правах», она стала ощутимо более скромной. Это выразилось, в конечном итоге, и в трансформации образа Пушкина.

Сумма наблюдений над эволюцией образа Пушкина в эпистолярном наследии Гоголя приводит к следующим выводам.

История становления образа может быть описана в границах трех периодов.

В первый период – 1831–1837 гг. – Пушкин предстает либо в качестве авторитетного литературного знакомого Гоголя, либо в качестве знакомого из высшего света.

Второй период – 1837–1839 гг. – практически весь посвящен лирической рефлексии по поводу смерти поэта, образ которого апологизируется и канонизируется.

Третий период становления пушкинского образа – 1840–1852 гг. – демонстрирует начавшийся процесс его переосмысления.

Однако этот процесс не затрагивает основ образа, лишь несколько корректируя его.

Основной доминантой, характерологической чертой образа автора «Бориса Годунова» в переписке Гоголя на всем ее протяжении является непререкаемый литературный авторитет. Именно его можно назвать основой гоголевского образа Пушкина.

Примечания

¹ Манн Ю. В. Пушкин и Гоголь в 1836 году: была ли ссора? / Ю. В. Манн // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования. М., 2001.

² Кулиш П. А. [Николай М.] Записки о жизни Гоголя / П. А. Кулиш [Николай М.]. СПб., 1856; Тихонравов Н. С. Пушкин и Гоголь / Н. С. Тихонравов // Тихонравов Н. С. Соч. : в 4 т. М., 1898. Т. 3; Шенрок В. И. Пушкин и Гоголь / В. И. Шенрок // Русская старина. 1900. № 2; Абрамович Г. Л. Пушкин и Гоголь / Г. Л. Абрамович // А. С. Пушкин : сборник. М., 1937; Благой Д. Д. Гоголь наследник Пушкина / Д. Д. Благой // Николай Васильевич Гоголь: сб. ст. М., 1952; Гукасова А. Г. «Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления «Ревизора» к одному литератору» / А. Г. Гукасова // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1957. Т. 16, вып. 4; Макогоненко Г. П. Гоголь и Пушкин / Г. П. Макогоненко. Л., 1985.

³ Золотусский И. Гоголь / И. Золотусский. М., 1984; Он же. Двух гениев полет / И. Золотусский // Золотусский И. П. На лестнице у Раскольникова. М., 2000.

⁴ Каллаш В. В. Заметки о Гоголе / В. В. Каллаш // Голос минувшего. 1913. № 9; Лукьяновский Б. Пушкин и Гоголь в личных отношениях. Вопрос о дружбе / Б. Лукьяновский // Беседы : сб. об-ва истории лит. в Москве. М., 1915. Т. 1; Долинин А. Пушкин и Гоголь / А. Долинин // Пушкинский сборник. Пг., 1923; Гиппиус В. Литературное общение Гоголя с Пушкиным / В. Гиппиус // Учен. зап. Перм. ун-та. 1931. Вып. 2; Вацуро В. Э. «Великий меланхолик» в «Путешествии из Москвы в Петербург» / В. Э. Вацуро // Временник Пушкинской комиссии. 1974. Л., 1977; Прозоров В. В. Хлестаков и Пушкин в сюжете комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» / В. В. Прозоров // Филология. Саратов, 2000. Вып. 5; Белоногова В. Ю. Выбранные места из мифов о Пушкине / В. Ю. Белоногова. Нижний Новгород, 2003.

⁵ Гиппиус В. Литературное общение Гоголя с Пушкиным / В. Гиппиус // Учен. зап. Перм. ун-та. 1931. Вып. 2. С. 124.

⁶ Аксаков С. Т. Собр. соч.: в 4 т. М., 1956. Т. 3. С. 606.

⁷ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. / Н. В. Гоголь. М.; Л., 1937–1952. Т. 10. С. 200. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте в круглых скобках с указанием тома римскими и страниц арабскими цифрами.

⁸ Золотусский И. Гоголь / И. Золотусский. М., 1984. С. 122; Манн Ю. В. Гоголь. Труды и дни: 1809–1845 / Ю. В. Манн. М., 2004. С. 221.

⁹ См.: Гиппиус В. Литературное общение Гоголя с Пушкиным / В. Гиппиус // Учен. зап. Перм. ун-та. 1931. Вып. 2; Макогоненко Г. П. Гоголь и Пушкин / Г. П. Макогоненко. Л., 1985; Манн Ю. В. Пушкин и Гоголь в 1836 году: была ли ссора? / Ю. В. Манн // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования. М., 2001; Дрыжакова Е. Рискованная шутка Гоголя на чтениях «Ревизора» / Е. Дрыжакова // Рус. лит. 2001. № 1 и др.

¹⁰ Манн Ю. В. Гоголь. Труды и дни: 1809–1845 / Ю. В. Манн. М., 2004. С. 447.

¹¹ Аксаков С. Т. Собр. соч.: в 4 т. / С. Т. Аксаков. М., 1956. Т. 3. С. 160–161.